

ВЕРОНИКА
КОССАНТЕЛИ

ИСКОПАЕМЫЕ

«Восхитительное приключение с легкой чужинкой». – The Booklist

Вероника Коссантели

Ископаемые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48762312

Ископаемые: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-115110-23

Аннотация

У Джорджа выдался не самый удачный день: его велосипед украли, и ему пришлось идти домой под проливным дождем. В таких обстоятельствах настроение испортится у кого угодно, а особенно если в обмен на твой замечательный велосипед тебе предлагают заржавевшее, розовое и совершенно девчачье недоразумение!

Теперь мальчику срочно нужно заработать денег, и – как удачно! – он натывается на объявление:

Требуется помощник Любовь к животным обязательна Должен быть Подходящим Человеком Кто может быть более подходящим человеком, чем Джордж?

Мальчик не подозревал, что эта работа изменит его представление о мире...

Содержание

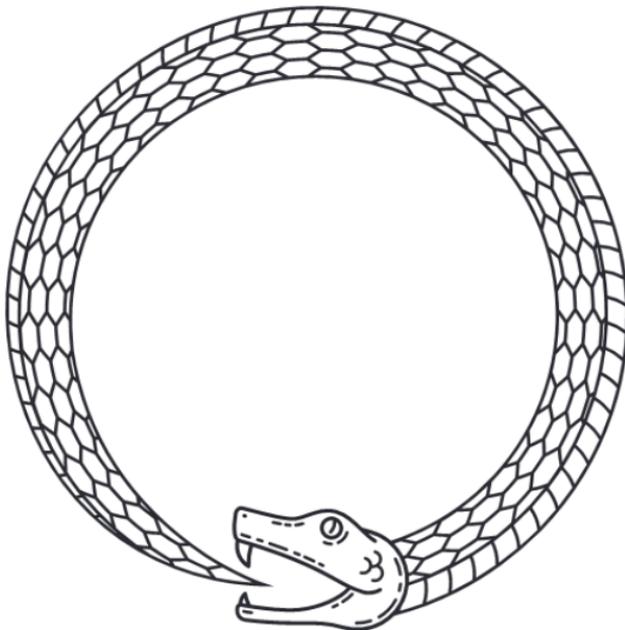
1	6
2	20
3	35
4	45
5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вероника Коссантели

Ископаемые

*Королю Нефритового Леса,
открывшему для меня важность драконов.
Маме,
научившей меня многому другому.
И Ксандеру,
объяснившему, о чем не нужно писать.*

Вероника КОССАНТЕЛИ

THE EXTINCTS

Text copyright © 2013 VERONICA COSSANTELI

The Author/Illustrator has asserted her moral rights.

All rights reserved.

© Ю. Капустюк, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Обращение издательства «CHICKEN HOUSE»

Все мы знаем правду, не так ли? Если вы пойдете в лес, живущие там звери не угостят вас чаем и бутербродами! Особенно, если это очень странные и немного опасные существа, а вам приходится за ними присматривать/спасать/иметь дело с подлыми негодьями. Мир, созданный Вероникой Коссантели, наполнен диким безумством и истинной радостью. (Кстати, имейте в виду: дома у нее живут змеи, а пишет она с ящерицей на голове. Это правда!)

БАРРИ КАННИНГЭМ

Издатель

1

Странности начались с трех фунтов семидесяти двух пенсов.

Конечно, я не знал, что это три фунта семьдесят два пенса, пока не подобрал с мокрого тротуара разбросанные монетки и не пересчитал их.

«Джордж Дрейк, да тебе сегодня везет! Три страйка в боулинге «Бампер» с Джошем и Мэттом, а теперь еще и ДЕНЬГИ НА ХАЛЯВУ!» Я бросил монеты в карман и пошел к велосипеду.

На что потратить три фунта семьдесят два пенса? Проще простого. Если бы вы были на моем месте, то накупили бы конфет.

В магазине я провел не больше минуты, но, когда вышел на улицу, велосипеда на месте не оказалось. У меня был бумажный пакет, доверху набитый мармеладными червячками, земляничной паутинкой и жевательными банановыми конфетами, но не было велосипеда. Шел дождь. Путь до дома предстоял долгий.

«Прости, Джордж Дрейк, я пошутил. Наверное, тебе сегодня не очень везет».

Великолепно. Просто великолепно. Я откусил голову мармеладной гусенице и пошел пешком.

Добравшись до дома, я почувствовал себя неважно. Не

уверен, что по-прежнему люблю банановые конфеты. Мама стояла в саду вверх ногами. Никто, кроме нее, не занимается йогой в саду под дождем.

– Пришел счет за электричество, – сказала она откуда-то между колен. – Он даже больше, чем в прошлый раз. Громадный. Правда, Джордж, просто ЧУДОВИЩНЫЙ!

Мама занимается йогой, только когда ее что-то беспокоит: счета, сломавшаяся стиральная машина, родительское собрание, уход папы. Она перевернулась и стала балансировать на одной ноге, как фламинго, – только фламинго при этом не шатаются. Затем спросила:

– А где твой велосипед?

Я обо всем ей рассказал, но тут же пожалел. Нормальная мама непременно согласилась бы, что все велосипедные воры заслуживают страшной смерти от укусов плотоядных тараканов, а еще чтобы их засунули головой вниз в бочку с кипящим заварным кремом или запустили в космос из огромных пушек. Но нет – разумеется, это была *моя* ошибка.

– Ты оставил велосипед непристегнутым? Джордж, это глупо. О чем ты только думал?

Затем мне пришлось выслушать много всякой (*бла-бла-бла*) родительской чуши о том, как важно Быть Более Внимательным. Это продолжалось целую вечность, пока мама не потеряла равновесие и не свалилась в розовый куст.

Я вытащил ее оттуда, всю покрытую царапинами с кровоподтеками.

– О чем ты там говорила? Что нужно быть более *внимательным*?

– Э-э-э, да. Ну... – Мама облизала кровь с пальцев. – Больше не будем об этом говорить. Всякое бывает.

* * *

Полчаса спустя я решил отвлечься от мыслей о потерянном велосипеде и поиграть в «*Битву зомби*». Только я собрался прикончить зомби, как две капли воды похожего на мою учительницу мисс Триппс, как услышал мамин голос:

– Джордж? Джордж!

– Одну минуту. Подожди...

Слишком поздно. Мисс Триппс откусила мне руку. Я обозвал ее самым грубым из известных мне слов и нажал на пазу.

Мама стояла у задней двери.

– Смотри! – гордо воскликнула она. – Валялся в самом конце гаража. Отличный велосипед! – она смахнула паутину с проржавевшего руля. – Он в полном порядке.

Если не считать того, что он розовый.

Как это похоже на маму. Она вечно все забывает, а ты продолжаешь верить, что память ее больше не подведет...

– Мама, я – *мальчик*.

– Ах, это! Какой вздор! – мама хлопнула в ладоши. – Настоящие мужчины не боятся розового.

Что мама может знать о настоящих мужчинах? Она ведь вышла замуж за папу.

Еще год назад папа жил с нами. Он носил костюм и галстук и каждый день ездил в офис. Сейчас он на пляже в Австралии, одетый в цветастые шорты и шлепанцы. Папа прислал нам электронное письмо и сообщил, что погода в Австралии чудесная и он учится кататься на серфе. Мама написала ему в ответ, что погода в Англии дрянная и она надеется, что его съест акула. Это было очень по-взрослому. Или нет?

Я посмотрел на велосипед – ни передач, ни подвески. Ничего, кроме ржавого звонка Принцессы Короткие Штанишки и крошечной плетеной корзинки. Я представил, как поеду на нем по городу в воскресенье. Представил лица Джоша и Мэтта...

– Нет! Нет, мам, я не могу!

Она выглядела обиженной, и я почувствовал себя скверно. Почему взрослые никогда не понимают очевидных вещей? Может, когда им исполняется двадцать один, какая-то часть мозга перестает работать? Это пугает. Значит, я буду нормальным еще лет десять, не больше...

– Если хочешь новый велосипед, тебе придется накопить денег самому, – снова заворчала мама. – Не знаю, смогу ли оплатить счет за электричество.

У мамы есть свой магазин. Он называется «Пещера русалок». Там тлеют благовония, играют китовые песни и нико-

гда не бывает клиентов. Похоже, у людей уже так много ароматизированных свечей, колокольчиков и бисерных штор, что больше им просто не нужно.

– Ты можешь немного заработать, – продолжила она уже менее ворчливым тоном. – Помой наш автомобиль, и я дам тебе пятьдесят пенсов.

– Мам, у нас *нет* машины.

Ее продали, когда папа ушел. Нам нужны были деньги.

– Я забыла, – мама погладила старое седло велосипеда. Я правда очень-очень надеялся, что она не расплчется. – Ты уверен, что он тебе не подойдет? И Гарри, и Фрэнк на нем катались.

– Верно, – согласился я. – Но Гарри и Фрэнк – девчонки.

* * *

Мои сестры старше меня, но пока они еще не стали обладательницами Прогнившего Взрослого Мозга. Порой они невыносимы, но даже им понятно, что я не могу кататься на розовом велосипеде, будто Принцесса Короткие Штанишки.

– Развози газеты, – предложила Гарри. Она собиралась на вечеринку инопланетян и роботов и брызгала на себя серебристым спреем. Гарри ходит в колледж и на очень странные вечеринки. – В твоем возрасте я этим и занималась. Мне нужны были карманные деньги, а мама не понимала, зачем мне выпрямитель для волос.

Волосы у моей сестры просто шикарные. Когда ее кожа не серебристого цвета, то Гарри похожа на Рапунцель или на одну из мультяшных принцесс. Не считая того, что на попе у нее татуировка с Супер Марио, а на языке – пирсинг, чего у принцесс, как правило, не бывает.

– Если обещаешь не глупить, – сказала Фрэнк, – можешь работать на меня.

А вот Фрэнк больше похожа на сову, чем на принцессу. Она копит деньги, чтобы поехать в Антарктику ухаживать за пингвинами, и у нее свой бизнес по выгуливанию собак.

– Мне кучу всего нужно повторить, а еще закончить научный проект, – продолжила она. – Помощь не помешает. Разумеется, ты должен соблюдать некоторые Положения и Условия.

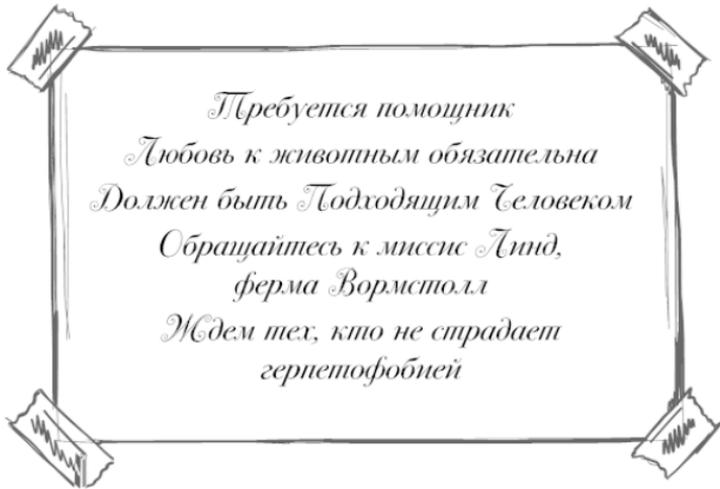
Положения и Условия, которые Фрэнк распечатала и заставила меня подписать, гласили:

1. Половина заработанных мною денег достается ей.
2. Я должен ходить в магазин за шоколадом и/или чипсами с сыром и луком каждый раз, когда она попросит.
3. Раз в неделю я должен чистить клетку ее хомячка.

Сначала хомячка звали Джеральд. Потом мы узнали его получше и назвали Дракулой. У него очень острые зубки, и он не любит, когда чистят его клетку. Но мне позарез нужны были деньги.

* * *

Над дверью Магазина Сладостей висела табличка «Лавка Филлинг & Дентчер: здесь вы получите все, что захотите». Поскольку у них есть высокие стеклянные банки со всеми сладостями, какие только можно вообразить, и они взвешивают их в маленьких бумажных пакетах, все называют эту лавочку просто Магазином Сладостей. Я пришел туда по заданию Фрэнк, чтобы купить чипсы с сыром и луком, когда заметил на окне объявление. Оно было написано зелеными чернилами замысловатым почерком с завитушками и зажато между рекламой подержанного тостера («Почти работает, выгодная покупка») и размытой фотографией жирного полосатого кота с белыми лапами («Вы видели Снаффи? Вознаграждение сто фунтов»):

Я смотрел на него довольно долго, пока не запомнил наизусть.

Мне пришлось ждать, чтобы заплатить за чипсы. Безумная Дейзи покупала лотерейные билеты. У нее были блестящие глаза-бусинки и похожие на рисовую лапшу волосы под шерстяной шапкой-ушанкой, которую она носит круглый год, даже летом. Дейзи живет в парке на скамейке с маленькой собачкой по кличке Рок и все время вопит, возвещая о наступлении конца света. Иногда ей кидают мелочь, но все деньги она тратит на лотерею. Я не знаю зачем. Какой смысл в выигрыше миллиона фунтов, если миру вот-вот придет конец?

Дейзи нужно было оплатить три лотерейных билета и сэндвич с яйцом. Она тщательно пересчитывала пенни и мо-

неты по два пенса. Похоже, ждать придется долго. От безделья я прочел первую страницу газеты «Эхо Сквермингтона».

Событий в Сквермингтоне было немного. «Общественные туалеты закрыты на ремонт». И что? «Роскошный конкурс садового искусства». Скукота. «Пропадают домашние питомцы! Домашние питомцы в опасности! Полиция предупреждает владельцев домашних животных: не отпускайте их далеко от себя». Пусть попробуют подойти к Дракуле, мерзкому кусачему комочку шерсти, и чем раньше – тем лучше. «Обнаружена гигантская рептилия! Неужели Сквермингтонский Змей вернулся? Подробнее на странице 3...»

А вот это уже интересно. Я открыл страницу 3:

Мисс Холли Спэрроу и ее подруга мисс Руби Дженкин утверждают, что в пятницу вечером видели кончик хвоста огромного змеевидного животного, когда по пути домой из кинотеатра проходили мимо Сквермингтонской библиотеки.

— Мы видели только хвост, — сказала Холли. — Но он был огромный! Обалдеть! Руби от страха чуть не описалась. Потом он скользнул за продуктовый магазин, и мы убежали.

Ни зоопарки, ни зоомагазины, ни парки дикой природы о пропаже крупных животных не заявляли. Имеет ли это загадочное животное какое-то отношение к легендарному Сквермингтонскому змею, яростному плотоядному чудовищу, которое держало в страхе местных жителей более тысячи лет назад?

– Ты собираешься покупать газету или как?

Миссис Филлинг стояла за прилавком и тарасилась на меня. Я положил газету обратно на полку и оплатил чипсы Фрэнк. Выйдя на улицу, я в последний раз взглянул на объявление о помощнике и нахмурился. Хм, текст ведь был написан зелеными чернилами. Может, это игра света? Или я начал сходить с ума. Теперь этот витиеватый почерк, похожий на паутинку, точно был фиолетовым.

– Там будет огонь и адские муки, чума и жабы, и мы

все обречены, – произнес голос за спиной. Я почувал резкий запах сваренных вкрутую яиц: Дейзи скармливала кусочки сэндвича Року. – Сам увидишь. Это конец.

Но Дейзи ошиблась. Это было только начало.

* * *

– Что такое герпетофобия¹? – спросил я за ужином. Мы снова ели остатки брокколи и жареные бобы. После ухода папы мама превратилась в травоядное. Она убивает беспомощные растения и заставляет нас их поедать.

Никто не знал, что такое герпетофобия.

– А где находится ферма Вормстолл?

– У черта на рогах, – ответила мама. – На другой стороне Леса Охоты на Виверна. А что?

Я рассказал об объявлении на окне Магазина Сладостей. *«Требуется помощник. Должен быть Подходящим Человеком».*

– Ты же не поедешь туда один, – встревожилась мама. – Только не через этот лес. Возьми с собой одну из сестер.

– Вечеринка, – промычала Гарри с набитым ртом. – Бал-маскарад. Я пойду в наряде тарантула. Нужно еще смастерить много ножек, так что меня не трогайте.

¹ Герпетофобия (от др. – греч. ἑρπετόν – «пресмыкающееся» и φόβος – «страх») – один из видов зоофобии, боязнь пресмыкающихся (ящериц и змей). (Прим. пер.)

– А у меня уроки, – подхватила Фрэнк. – И ты эту неделю работаешь на меня, забыл? – она уколола меня вилкой. – Сэру Криспину нужно прогуляться, а мне в понедельник сдавать эссе по истории.

– Только не сэр Криспин! – я скорчил гримасу. Сэр Криспин – мопс миссис Покер-Пигрим. Миссис Покер-Пигрим живет недалеко от нас, вниз по улице. У нее выпрямленные утюжком волосы и квадратное лицо, а еще она пахнет леденцами от кашля. Сэр Криспин такой жирный, что шерсть с трудом сходится у него на брюхе, и он все время храпит, даже когда не спит. И глаза у мопса выпуклые, как у жабы. Если бы я выбирал себе собаку, то никогда бы не выбрал сэра Криспина.

Однажды у меня чуть не появилась собака – до того, как все пошло наперекосяк и папа нас бросил. Он сказал, что на одиннадцатый день рождения я могу завести домашнего питомца. У Фрэнк были Дракула, гигантская африканская сухопутная улитка и палочники в банке, а у Гарри – волнистые попугайчики, но потом вместо них она стала заводить бойфрендов.

– Исполню любое желание, – сказал папа. – Кого ты хочешь?

Я ответил, что хочу завести касатку.

Я хотел кита-убийцу с тех пор, как однажды летом мы поехали в отпуск, и папа повез нас в дельфинарий. Мама и девочки пищали от восторга, глядя на дельфинов, а мне по-

направилась касатка.

Но в двухквартирном доме такое животное держать нельзя. Мама и папа спорили из-за многих вещей, но в этом вопросе оказались единодушны.

– Как насчет щенка? – предложил папа.

Я согласился на щенка – а кто бы не согласился? – но ничего не получилось. Споры стали громче, а потом папа ушел. На день рождения я получил футбольные бутсы и новый пенал для школы.

– Можно я вместо этого погуляю с Тайсоном? – с мольбой в голосе спросил я. Тайсон – ротвейлер, он похож на кита-убийцу больше остальных собак.

– Не глупи, – сказала Фрэнк. – Ты еще слишком маленький. И ехать на эту ферму совсем не обязательно. Вряд ли они решат, что ты Подходящий Человек. Скорее, сопливый ребенок.

– Я не сопливый! Сама ты сопливая. И вот еще что, – быстро добавил я, прежде чем она успела ответить, – кто такой Сквермингтонский Змей?

– Что? – рассмеялась мама. – Ты про ту старую историю? Давным-давно, в Средневековье, считалось, что в лесу Охоты на Виверна живет дракон или что-то подобное. Он съел всех коров, овец и дочерей фермеров. Местным жителям это так надоело, что однажды ночью они вооружились вилами, топорами и горящими факелами и устроили на него охоту.

– И что? Они его убили?

– Понятия не имею. Вероятно, появился какой-нибудь храбрый рыцарь на белом коне и сделал это за них. Обычно именно так и происходит, правда? Как святой Георгий.

– Ага, – сказала Фрэнк. – Готова поклясться, что святой Георгий не был сопливым.

– Скажу тебе кое-что, – добавила мама, выразительно глядя в мою тарелку. – Держу пари, он съедал всю порцию брокколи.

2

Мама не разрешила мне ехать на ферму Вормстолл одному. Я ее послушал и взял с собой сэра Криспина. Когда я пришел за псом, миссис Покер-Пигрим дома не было (она вышла в парикмахерскую), но Фрэнк сказала мне, где лежат ключи. Сэр Криспин не очень обрадовался моему приходу, но я запихнул его в маленькое клетчатое пальтишко из шотландской материи и уговорил выйти за дверь. Когда мы дошли до почтового ящика на углу, мопс уже был готов развернуться и пойти обратно домой, поэтому я потащил его за собой силой – это мало напоминало прогулку. До Леса Охоты на Виверна путь предстоял долгий, и в конце концов я сдался и взял его на руки.

Я остановился у ворот, ведущих в лес, и подумал о разъяренных фермерах. Что если они шли с вилами и горящими факелами той же дорогой? Правда ли логово Змея находилось здесь, в этих лесах? И что на самом деле видели те две девочки? Что ускользнуло за продуктовый магазин и скрылось в темноте? По коже побежали мурашки – так бывает каждый раз, когда я смотрю ужастик по телевизору. Пусть меня и зовут так же, как того знаменитого убийцу дракона², но, честно говоря, герой из меня неважный. Возможно, это

² Джордж – английский вариант имени Георгий. (Прим. ред.)

все-таки *связано* с тем, сколько брокколи ты съедаешь.

Сэр Криспин заскулил и попытался вырваться из рук.

– Ты прав, – сказал я. – Мы не можем стоять здесь весь день. Нужно скорее добраться до фермы, пока не пришел кто-нибудь еще и не заявил, что он Подходящий Человек для этой работы. Потому что никто больше не подойдет. Только я.

Почему я был так уверен? Без понятия. Я просто это знал.

Я взял сэра Криспина под мышку и широко распахнул ворота.

* * *

Лес наполнился полосками солнечного света, белками и щебетом птиц. Мне было ни капельки не страшно.

Пока что-то не выскочило из кустов прямо передо мной.

Мы с сэром Криспином одновременно вскрикнули. Это оказалась всего лишь птица: довольно крупная, размером с курицу, с черно-белым опереньем и длинной шеей и хвостом. Она взглянула на меня, округлив золотистые глаза и раскрыв клюв, а затем расправила крылья и помчалась вниз по тропе. Птица бежала все быстрее и быстрее, раскачиваясь на костлявых ногах, пока наконец не поднялась в воздух. Видимо, взлет прошел не очень удачно – я услышал, как она рухнула на ветки.

Когда я был маленьким и боялся темноты, папа всегда го-

ворил, что у меня Слишком Живое Воображение. Слишком Живое Воображение заставляет тебя видеть то, чего на самом деле нет; то, что просто-напросто не существует. Например, птиц с клювом, полным зубов. У птиц ведь не бывает зубов...

Я пошел быстрее, оглядываясь через плечо на каждый хруст ветки и шорох листьев, а потом ушиб большой палец на ноге:

– Ай-ай-ай!

Посреди тропинки лежал камень.

– Дурацкий камень!

Я присел на пень и схватился за ногу. Сэр Криспин принялся облизывать мое лицо. С языка мопса стекала слюна, а изо рта пахло рыбой.

– Кто положил этот дурацкий камень в это дурацкое место?!

Я уставился на камень, а он уставился на меня. Оказалось, что это вовсе не камень, а статуя кролика, вырезанная из камня. Резьба была отличная, но из-за больного пальца мне совсем не хотелось любоваться произведением садового искусства. Кому пришло в голову установить эту статую в лесной чаще?

Я встал и попрыгал на одной ноге, пока боль немного не утихла.

– Иди сюда, – сказал я сэру Криспину. – Оставшийся путь пройдешь сам. Мы почти на месте.

Так и получилось. Вскоре мы вышли из тени деревьев и оказались на узенькой аллее. Отсюда до города было далеко. Ни домов, ни машин – только высокие холмы, поросшие дикими цветами. Мы немного прошли по дороге и заметили, что она поворачивает направо. Сэр Криспин остановился возле ветхой деревянной таблички и задрал заднюю лапу. Теперь по неровным заглавным буквам, написанным краской, стекала желтая собачья моча:

На другой стороне дороги стояла еще одна табличка:

Остерегайтесь... чего? Это оставалось неизвестным – кусок таблички был отломан.

Когда мы повернули, сэр Криспин принялся тявкать – на поле рядом паслись огромные волосатые коровы с опасными на вид рогами и рыжими челками. Они перестали жевать и уставились на нас, широко раздувая ноздри.

– На твоём месте я бы лучше заткнулся, – сказал я сэру Криспину. – Почти уверен, что та супергигантская корова в центре – бык.

С другой стороны, в дальнем углу поля, стояла одинокая лошадь: уткнувшись носом в живую изгородь и отмахиваясь от мух хвостом, она лакомилась ежевикой. В конце дороги виднелась старая каменная ферма. Спереди она выглядела пустой и нежилой, со слепыми окнами и мелкими поганками, которые росли прямо на пороге. Я постучал, но никто не ответил. Похоже, дверь не открывали уже много лет. Мне захотелось развернуться и пойти домой. Но мы с сэром Криспином проделали такой длинный путь! Меня сюда привело объявление на окне Магазина Сладостей, и так легко я не сдамся.

Остерегайтесь

Я повел сэра Криспина на вымощенный камнем двор перед конюшнями. Эта сторона дома выглядела куда более веселой. В ветвях старого сучковатого дерева ворковали белые голуби, а в висячих корзинах и ящичках на окнах пестрели цветы. На крыльце в беспорядке валялись резиновые сапоги и целый ряд огнетушителей. Из конюшни доносился звук включенного телевизора: «...взбейте яичный белок, пока он не станет легким и пушистым». Кто-то смотрел кулинарное шоу.

Дверной звонок представлял собой старинную вещицу из латуни. Я сделал глубокий вдох, изо всех сил стараясь быть похожим на Подходящего Человека, и позвонил.

Дверь резко отворилась.

– Не могу сейчас говорить. Мазь от окаменения закипает. – На пороге стояла пожилая леди и смотрела на меня сквозь очки в золотой оправе. На ней были резиновые сапоги, нитки бус и огромная шляпа, покрытая обглоданными фруктами. Коридор за спиной женщины заполнял бледно-зеленый пар.

– Здравствуйте. Я пришел из-за... – Я закашлялся. Пар добрался до меня, и глаза заслезились.

– Немного крепковат, верно? Не уверена, что он должен пахнуть именно так, – с сомнением произнесла пожилая леди. – Я делала все строго по рецепту. Что ты об этом думаешь?

Я подумал, что запах больше напоминал вонь от кошачьего лотка, но не хотел показаться грубым, поэтому попытался повторить заранее заготовленную фразу.

– Я пришел из-за...

– Ага! Вот и *ты!* – воскликнула пожилая леди, когда что-то серо-коричневое и волосатое вылетело из дома, пролетев мимо наших щиколоток. – Поймай *это*, – сказала она, – и работа твоя.

– Как?.. – начал я, но было слишком поздно.

Женщина юркнула обратно в дом, громко захлопнув за собой дверь.

* * *

Сэр Криспин лаял и рычал.

– Ш-ш-ш! Ты мне мешаешь! – я обернул поводок вокруг одного из огнетушителей, чтобы мопс не путался под ногами. – Я пытаюсь думать.

Волосатое Создание было размером с гвинейскую свинку, только более длинное и худое, с заостренным носом и хвостиком. Оно пролезло в щель между стеной дома и каменным желобом с цветами. Я опустил на четвереньки. В щель пролезла только ладонь.

– О! – я резко выдернул руку. В том месте, где костяшки поцарапались о стену, виднелись ссадины, но из пальца сочилась кровь – очень-очень много крови. У Волосатого Со-

здания имелись зубки.

Облизав палец, я решил подобраться к зверю сзади. Мне повезло: пытаюсь увернуться от моей руки, он попятился назад, и кончик хвоста высунулся наружу с другого конца жлоба. Я схватил его и потянул.

Сильнее и сильнее.

Внезапно хвост стал жестким. Волосатое Создание нацелило на меня свой зад и... ПШ-ШШШШТ!

Это был самый ужасный запах на свете – в миллион раз хуже, чем зеленый пар в кухне пожилой леди. Пуки, собачьи какашки, потные подмышки, старые носки и мамина стряпня – все в кучу. И это попало в глаза, на волосы, капало с кончика носа...

– Так нечестно, – заверещал я. – Это жульничество!

Держась подальше от Взрывоопасного Зада, я сел на булыжник и стал размышлять. Если я не могу *заставить* ужасное кусачее и вонючее создание выйти наружу, мне придется *убедить* его это сделать. Но как?

Что может заставить *меня* сделать то, что я не хочу? Чаще всего – еда.

На мне были любимые джинсы, украшенные дыркой, а теперь еще и пятном крови, которое уже не отстирается. Я носил их несколько дней. К счастью, порывшись в карманах, я обнаружил, что в глубине завалялись несколько изюминок в шоколаде.

Я проложил дорожку из изюминок, но не очень длинную –

угощения было мало. Аккуратно разложив приманку, я принялся ждать. Вначале высунулся нос, за ним – усы, лакричные глазки, подергивающиеся ушки, после чего вылезло все остальное. Волосатое Создание вышло из укрытия – осталось лишь поймать его.

За задней дверью стояло пустое ведро. Когда Волосатое Создание унюхало последнюю изюминку в шоколаде, я опустил на него ведро. Зверь оказался в ловушке.

Он этому совсем не обрадовался и начал лупить по стенкам, от чего ведро танцевало по всему двору. Волосатое Создание не оставило мне выбора.

Я сел на ведро.

Теперь в западне оказались мы оба.

Солнце садилось, согревая булыжники. Мне было очень жарко и хотелось пить. Чтобы хоть как-то отвлечься, я сыграл в игру «Миллион». Она очень незамысловатая – нужно просто считать. Я играю в нее, когда скучно или когда нахожусь там, где мне не нравится: на собрании, у стоматолога или на автобусной остановке. Не успеете досчитать до миллиона, как обязательно произойдет что-нибудь интересное. Мой рекорд – две тысячи шестьсот пятьдесят три на свадьбе тетушки Фи. Я бы насчитал и больше, если бы не сбился, когда самая маленькая подружка невесты намочила трусы. Как я уже говорил, что-нибудь непременно произойдет.

Я дошел до тысячи четырехсот семнадцати, когда дверь открылась, и вышла пожилая леди. Я указал на ведро под

собой и сообщил:

– Поймал.

Пожилая леди выглядела довольной. Она направилась ко мне, но вдруг остановилась и посмотрела на булыжники. При этом с ее шляпы скатились несколько виноградин и яблочный огрызок.

– Кровь, – сказала женщина. – Твоя?

– Палец... – я осмотрел следы от зубов Волосатого Создания. – Все еще кровоточит...

– Ничего страшного, – радостно сказала пожилая леди. – Если кровь идет, значит, ты все еще жив. Вот когда она *не идет* – тогда следует беспокоиться. Но лучше не источать запах свежей крови. Только не здесь. Заходи в дом. Подыщем тебе пластырь.

Когда я встал, ведро дико загремело. Поддев край носком сапога, пожилая леди его перевернула. Волосатое Создание сидело и разъяренно повизгивало, а затем прыгнуло вверх и угодило на шляпу, где уютно устроилось и принялось поедать остатки фруктов.

– Глупенький Мингус, – нежно произнесла дама. – Обычно он не убегает. Наверное, во всем виноват пар в кухне.

Я быстро огляделся. В напичканных акулами водах источать запах свежей крови очень опрометчиво. Я знал об этом. Но... на ферме? Неужели поблизости слоняется мутировавшая овца-ниндзя, жадно приноживающаяся в надежде учуять кровь и напасть на меня? Моей щеки что-то коснулось,

и я подпрыгнул от неожиданности. Волосатое Создание кидалось в меня вишневыми косточками.

– А кто этот Мингус? – спросил я.

– Раннее млекопитающее. Вероятнее всего, триасового периода. Он не привык к посторонним, – добавила леди, когда я нагнулся, уворачиваясь от очередной вишневой косточки.

– Что мне делать с сэром Криспином? – спросил я. Он лежал, выпучив глаза, и громко сопел. – Думаю, немного воды ему не помешает.

– Он тоже может войти. Всем живым существам в Ворм-столле очень рады. Всем, кроме людей. – Пожилая леди бросила на меня пронзительный взгляд поверх очков. – Если только их не приводят сюда Разумные Основания.

Мне нужны деньги на новый велосипед. Интересно, это считается Разумным Основанием? Я надеялся, что да.

* * *

В доме пахло уже не так скверно – едкий зеленый пар рассеялся. Мы шли по коридору, и когти сэра Криспина звонко постукивали по каменной плитке. Кухня напоминала джунгли: все было обвито растениями, они занимали каждый свободный уголок. Во внешней стене виднелась кошачья дверца, а перед старомодным кухонным гарнитуром располагался собачий лежак, в котором под смятым клетчатым

одеялом я разглядел несколько странных комков. Сэр Криспин жадно попил из миски, на которой краской было выведено слово ДОДО.

Пожилая леди усадила меня за большой деревянный стол. Она налила мне стакан какой-то холодной жидкости с лимонным вкусом, а затем сняла с верхней полки шкафа коробку с надписью «ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ».

– Здесь много пластырей, – сказала она, – бинтов и повязок. А это, – она указала в сторону стены на нечто, напоминавшее бейсбольную биту, – Аварийная Деревянная Нога, – объяснила дама. – Ею никто не пользовался с тех самых пор, как моя двоюродная бабушка Хефзиба застала *dracunculus dentatus* врасплох в кустах в тысяча девятьсот одиннадцатом году.

Я таранился на деревянную ногу, пытаюсь представить, как выглядел *dracunculus dentatus*. Спрашивать не хотелось – вдруг она решит, что я глупый. Когда я чего-то не знаю, Фрэнк всегда говорит, что я глупый.

– Итак, ты ищешь работу, – сказала пожилая леди, промокнув мой палец какой-то жидкостью, от которой сильно защипало кожу. Раннее Млекопитающее уснуло, свернувшись на ее шляпе и прикрыв лапами нос. – Интересно, что же привело тебя в Вормстолл?

– Объявление. На окне в Магазине Сладостей.

– Ах, так ты его заметил, – она закрутила крышку на флаконе с жидкостью и потянулась за пластырем. – Каким цве-

том оно было написано?

– Зеленым. Нет, не зеленым, – нахмурился я. – Фиолетовым. Я точно не знаю...

– Но ты смог его прочитать, ведь так? Легко и просто?

Хм, к чему она клонит? Ее беспокоит мое зрение, или она хочет убедиться, что я умею читать?

– Я запомнил его дословно, – заявил я. – «Требуется помощник. Любовь к животным обязательна. Должен быть Подходящим Человеком. Обращаться к миссис Линд, ферма Вормстолл. Ждем тех, кто не страдает герпето... герпетофобией». Вы и есть миссис Линд?

– Да, это я. А ты знаешь, кто такой герпетофоб?

– Нет, – признался я.

– Человек, который боится рептилий и чешуи. У тебя ведь с этим нет проблем, правда?

Я пытался сделать вид, будто понимаю, о чем она говорит.

– Чешуя меня не пугает, – осторожно ответил я. – И дикие животные меня очень интересуют.

– Какие дикие животные? – миссис Линд обернула пластырь вокруг моего пальца. – Пушистые и мягкие малыши? Или другие?

Я подумал о касатке в дельфинарии и о ротвейлере Тайсоне.

– Другие, – решительно заявил я.

Миссис Линд закрыла коробочку со средствами для оказания первой помощи и откинулась на спинку стула, пере-

бирая пальцами бусы.

– Полагаю, у тебя есть имя?

Я кивнул:

– Джордж.

Она вдруг нахмурилась.

– Надеюсь, не в честь того самого святого?

– Святой Георгий – нормальный парень! – мне вдруг очень захотелось за него заступиться. – Наверное. Это ведь он убил дракона, да?

Святой Георгий был хорошим, а дракон плохим – это каждый знает.

Миссис Линд фыркнула.

– Не вижу ничего святого в том, чтобы скакать верхом по стране и истреблять редких животных.

– Но драконы пожирали людей. Кто-то должен был их убить!

– Ты так думаешь? – миссис Линд снова бросила на меня пронзительный взгляд. – Что у тебя сегодня было на обед, Джордж?

– Э... пастуший пирог. – После маминых овощных экспериментов даже школьные обеды казались праздником.

– Пастуший пирог делается из овцы. Так что ты съел овцу, Джордж. Полагаю, ты был голоден, не так ли?

– Да, – с неохотой признался я. – Это была не целая овца...

– Полагаю, тот дракон тоже был голоден, – прервала меня миссис Линд. – Чтобы ты знал: у него были детеныши – го-

лодные детеныши, – которые ждали свой обед.

Я раскрыл рот и снова его захлопнул. Мне стало неловко. Настоящих драконов не существует. Все эти истории про святого Георгия – лишь выдумка, не так ли?

– Если честно, – сказал я, – меня назвали в честь бабушки.

Ее взгляд смягчился.

– Ну, в этом нет ничего плохого! – проведя руками по полям шляпы, между обглоданной сливой и кожурой банана она нащупала упаковку мятных леденцов и предложила один мне. – Знаешь, не каждый смог бы прочесть это объявление. Чернила, которыми оно написано, немного... необычные. Должно быть, ты и есть тот самый человек, которого я ищу, – улыбнулась она. – Подходящий Человек.

Да! Мне не терпелось увидеть лицо Фрэнк, когда я ей об этом расскажу.

– Буду стараться, – пообещал я. – Когда мне приступить?

– В Подходящее Время, – ответила миссис Линд. – Ты сам узнаешь, когда оно наступит.

3

Такое не случается в фильмах или книгах, но бывает в реальной жизни: в самое неподходящее Время ты вдруг понимаешь, что хочешь в туалет. Особенно, если съел остатки брокколи и жареные бобы.

– Вверх по лестнице. Поверни направо, далее – по коридору, – ответила миссис Линд, когда я спросил, где находится туалет. – Вторая дверь налево. Мне пора выйти и покормить уток. Им не нравится, когда их заставляют ждать, – обсасывая во рту мятный леденец, она поправила шляпу и подхватила корзину. – Иди скорее.

Оставив сэра Криспина привязанным к перилам, я поднялся на второй этаж по простой деревянной лестнице.

Наверху смотреть было особо не на что – все двери в коридоре оказались закрыты. Я нашел ванную комнату и закрылся тяжелым железным ключом. На стене висела картина с изображением недовольной пожилой леди в черном платье. Я узнал ее из уроков истории – королева Виктория. Она умерла очень давно, более сотни лет назад. Видимо, в этой комнате с тех пор ничего не изменилось. Ванная на ножках с оцарапанным днищем была наполнена мутной зеленой водой. Туалет выглядел как музейный экспонат – чтобы смыть, нужно было поднять руку и потянуть за цепь. Рядом с унитазом, на низком столике, стояла стеклянная емкость с ма-

ленькими рыбками, которые плавали туда-сюда сквозь отверстия, напоминающие глазницы человеческого черепа.

Я сел и спустил джинсы к щиколоткам. Королева Виктория не сводила с меня глаз, и это немного смущало. Повернувшись, я стал смотреть на черных, серебристых и золотых рыбок, которые то появлялись, то исчезали в пустых глазницах черепа. Интересно, каково это, когда рыбки виляют хвостиками там, где должны быть твои глаза? Вдруг я почувствовал, как по голой коже поползло что-то холодное и влажное... Оно было прямо подо мной! Я замер, сердце бешено заколотилось. На чем, на чем, на **ЧЕМ** я сидел?

Из-под колена, как змейка, вынырнула длинная скользкая щупальца, потом еще одна. Они направлялись к моей...

Я спрыгнул с унитаза со скоростью вылетающей из бутылки пробки. Бесплезно звать на помощь в запертой комнате, когда ключ есть только у тебя. Одной рукой я пытался натянуть джинсы, другой – нащупывал замок, как вдруг прямо над головой раздался глухой стук, будто что-то упало или приземлилось на крышу.

Я перебрал в голове все возможные варианты. Метеорит из космоса? Космический корабль инопланетян? Или голубь? Папа любил рассказывать историю о том, как однажды на вечеринке мертвый голубь упал с неба прямо в барбекю.

Затем кто-то громко и грубо выругался, чего папины голуби точно не делали. Окно было открыто, и на улице слышался шорох ветвей. Затем появился мальчик.

Он сел на подоконник. Мальчик был ровесником Фрэнк: голубоглазый, стройный, с угрюмым выражением лица, с ветками во взъерошенных черных волосах и крылатым черепом на футболке. День выдался теплым, но он был одет в тяжелую куртку с капюшоном на несколько размеров больше нужного. Под мышкой незнакомец держал статую кошки в полный рост, с этикеткой вокруг шеи.

Похоже, увидев как я дергаю за дверную ручку и пытаюсь одновременно застегнуть молнию на джинсах, он совсем не удивился.

– У тебя есть ручка? – спросил он.

Потеряв дар речи, я лишь покачал головой. Мальчик нахмурился. Порывшись в карманах, он достал обглоданный карандаш и нацарапал им что-то на этикетке.

– Улица Рододендронов, тридцать два. По крайней мере, именно там я его и нашел. Кто знает, откуда он пришел? С кошками никогда не угадаешь.

Свесив ноги с подоконника, мальчик поставил кошку и посмотрел на меня. Его голубые глаза странно светились, и я заметил, что он не моргает.

– Что с тобой? – спросил он.

Мне с трудом удалось застегнуть джинсы, но руки до сих пор дрожали.

– Там! – я указал на туалет. – Там *что-то* есть! У него... – я вытянул руки, покачивая ими вверх-вниз. Вряд ли я правдоподобно изобразил осьминога, но мальчик меня понял.

– Ах это, – сказал он. – *Оно* живет в ванной комнате и все время вылезает наружу. Нужно быть с ним построже, – он взял туалетный ершик. – Хватит тут лазить, – приказал он. – Ты уже наигрался. Теперь возвращайся на место.

Опустив ершик в унитаз, мальчик стал крутить его, намазывая щупальца, как спагетти. Он поднял ершик, но существо отказывалось уходить. Присосавшись свободными щупальцами к стенкам унитаза, оно держалось изо всех сил, плотно закрыв глаза.

– Глупый головоногий! – пробормотал мальчик.

Зажав в одной руке туалетный ершик, другой рукой он потянулся к емкости с рыбками. Не успел я и глазом моргнуть, как он выхватил оттуда рыбку и, держа ее за хвост, стал размахивать ею над унитазом.

Затем мальчик коротко и резко свистнул. Существо раскрыло бледные глаза с нависшими веками и сфокусировало взгляд на рыбке.

– Ну же, – он поднял рыбку выше, – чего же ты ждешь?

Существо сдалось. Выбравшись из туалета, оно обернулось вокруг ершика. Мальчик вытянул его из унитаза и перекинул в ванну, оно шлепнулось в воду, как сгусток серого студня. Он бросил осьминогу рыбку, тот поймал ее одним щупальцем и положил в рот-клювик, после чего с обиженным видом отодвинулся под кран.

– *Что* это? – спросил я. Тело существа размером и формой напоминало большое манго. Я пересчитал щупальца –

восемь. Вспомнив их прикосновение к голой коже, я вздрогнул. – Это осьминог?

– Морское чудовище, или кракен. Он всего лишь малыш, но скоро уже не будет помещаться в ванну. Ровно через год он станет больше садового сарая. Разумеется, это не предел, и кракен будет еще расти. Ближайшие сто лет.

– Сто лет? – я смотрел на чудовище, вытаращив глаза, а оно смотрело на меня. – Каким же он тогда станет?

– Ты когда-нибудь бывал на острове Уайт?

– Однажды, – кивнул я. – На каникулах.

– Ну вот, примерно таким он и станет, – прислонившись к раковине и опустив руки в карманы, мальчик внимательно смотрел на меня. – А кто ты такой?

– Я? Я... гм-м... я пришел по объявлению о работе.

– О работе Недотепы? – мальчик поднял одну бровь. – Бьюсь об заклад, ты будешь на высоте, верно?

– Да, – решительно заявил я. Если кто-то по имени Недотепа справился с этой работой, то и я справлюсь, какой бы *эта работа* ни оказалась. – Миссис Линд сказала, что я Подходящий Человек.

Мальчик пожал плечами:

– В таком случае... Порой миссис Линд кажется глупой, но она себе на уме, и спорить с ней бесполезно. Вряд ли ты окажешься хуже Недотепы. Я видел жуков, у которых было больше мозгов, чем у него. Он путал февраль и букварь и не умел считать до девятнадцати. *При этом* используя все

пальцы на руках и ногах.

– Разве там не двадцать получается?

– Только не у Недотепы, – ответил мальчик. – Но он неплохо читал поэзию викингов на кухонном столе в пижаме. – Ты это умеешь?

– Гм-м, вряд ли.

– Что ж, ладно, – мальчик пожал плечами. – Зимними вечерами это помогало скоротать время. Ты умеешь варить кашу из сосновой хвои?

– Из сосновой хвои?.. Нет.

– Суп из сосновой хвои?

Я покачал головой. Возможно, я все-таки не был Подходящим Человеком.

– Оладьи из сосновой хвои?

– Я научусь...

– Нет! – воскликнул мальчик. – Они омерзительны. Весь дом вонял, как сгоревшая рождественская елка. Миссис Линд делала вид, что они ей нравятся, потому что не хотела его обидеть, но если хочешь знать мое мнение...

Он замолчал. С первого этажа донесся разъяренный крик.

– Тупая птица-клуша снова застряла в кошачьей двери. Одни перья и никаких мозгов, – с этими словами мальчик достал из емкости еще одну рыбку и бросил ее в ванну.

– Бедная рыбка! – воскликнул я, глядя на то, как ее схватил кракен.

Мальчик развернулся и посмотрел на меня. Его глаза

яростно сверкали.

– Слушай, – прошипел он. – Здесь у нас много ртов, которые нужно кормить. И все они любят, чтобы еда была свежей. Если ты станешь пиццать и пускать сопли каждый раз, когда кого-то съедают, тогда ты совершенно точно не Подходящий Человек для этой работы...

– Не буду, – поспешно выпалил я. – Я не буду пиццать... и пускать сопли. Я – Подходящий Человек, обещаю. Я хочу получить эту работу! Правда!

* * *

– Что это, черт возьми, такое? – спросил мальчик, заметив у подножия лестницы сэра Криспина. – Он что, так и должен выглядеть?

– Это мопс миссис Покер-Пигрим, – я отвязал поводок от перил, и сэр Криспин залаял. Одинокое перышко, блестящее и черно-синее, как крыло сороки, лежало на плитке в коридоре, покачиваясь от малейшего дуновения ветерка.

– Глупый пес! – я дернул за поводок.

Мальчик подобрал перо и положил его в карман, странно подернув плечами.

– Она не так глупа, как ты думаешь, эта свинка миссис Покер-Пигрим.

– Это не свинка, а *мопс*.

Мальчик пожал плечами:

– Какая разница.

При звуке его голоса за запертой дверью послышалась новая волна яростных воплей. Мне хотелось посмотреть, что за птица застряла в кошачьей дверце, но мальчик просто пнул дверь.

– Заткни свой клюв, перья вместо мозгов! – приказал он. – Или я подойду сзади и протолкну тебя сквозь эту кошачью дверцу вилкой. Я не шучу... Я голоден!

Наступила тишина, а затем послышалось раздраженное *прун-пруууун*, но уже не так громко.

– Она чувствует себя в безопасности, потому что слишком жирная и не поместится в духовку, – мрачно объяснил мальчик. – Но у нас острые ножи и очень большая сковородка. Знаешь ли, существует множество способов приготовить птицу.

На улице у конюшен сэр Криспин прятался за мои ноги и тоскливо скулил.

– Он это чует, – сказал мальчик.

– Чует что? – Я потянул носом воздух.

Дым.

Тоненькие затейливые завитки дыма просачивались сквозь щель из дверей конюшни. Постепенно завитки становились все темнее и плотнее. Внезапно я услышал треск...

Огонь.

– Там кто-то есть! – торопливо сказал я. – Телевизор был включен – я его слышал.

– Только Гриссель. – Мальчик совсем не выглядел обеспокоенным. – Она делает это, чтобы привлечь внимание. Или когда хочет, чтобы переключили канал.

– Кто такая Гриссель? – спросил я.

– Гриссель... это просто Гриссель, – он посмотрел на небо.

– Но... разве мы не должны что-то предпринять? Позвонить 999?

– Зачем? К тому же, телефона у нас нет.

– Нет *телефона*? – Что это за дом такой, в котором нет телефона? – Я могу отправиться за помощью. Я быстро бегаю. Где ближайший дом? У них будет телефон, и...

– Я сказал, что телефона нет. – Его глаза были все еще устремлены в небо. – И людей нет. Я с этим разберусь. Тебе лучше уйти.

Я посмотрел на огнетушители на крыльце:

– Я мог бы помочь...

– Нет, не мог бы. Ты только мешаешься. Уходи.

Он не попрощался и даже на меня не взглянул. Задрав голову, мальчик, казалось, сосредоточился на том, чего я не мог видеть, будто производил в уме очень сложный расчет. Зайдя за угол дома, я остановился и оглянулся. Он по-прежнему напряженно всматривался в облака. На землю упали первые дождевые капли, и он плотнее завернулся в куртку.

Облака? Дождь?

Пять минут назад над нами было ясное голубое небо.

Теперь оно потемнело, набежали тучи и заслонили солнце. Мальчик не шевелился. Я тоже. Футболка насквозь промокла, с волос капала вода, но я не обращал на это внимание. Дождь полил на дымящиеся конюшни, спираль дыма стала тоньше и прозрачнее и наконец полностью исчезла.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Мальчик встряхнулся, как мокрый пес, и повернулся, чтобы пойти обратно в дом. Когда он закрыл за собой дверь, на небе снова светило солнце.

Если Сквермингтонский Змей и прятался в лесу, когда я возвращался домой, я бы точно его не заметил, даже если бы об него споткнулся. Все мои мысли были заняты фермой Вормстолл. Мне не терпелось скорее попасть домой и поискать в интернете кое-какую информацию: о кракенах, ранних млекопитающих и о том, существуют ли люди, способные управлять погодой... Маме и девчонкам я ничего не скажу. Они только посмеются надо мной и станут шутить насчет Слишком Живого Воображения. Пусть продолжают думать, что Вормстолл – самая обыкновенная ферма.

4

Неделя началась плохо. У мисс Триппс случился один из Капризных Понедельников. Еще не завершилась перекличка, как она уже начала ныть.

– Мне плохо, и я устала от вас, мальчишек, потому что вы сидите сзади и все время болтаете, – заявила она. – Я вас расскажу. Джошуа, иди и сядь рядом с Ясмин. Пруденс, можешь сесть рядом с Джорджем.

Пруденс была новенькая. Я знал лишь то, что у нее красные волосы, да и это заметил лишь потому, что Натан дразнил ее на площадке. Не рыжие, нет – красные, как кровь. Еще у нее были свирепые темные брови, которые она часто хмурила – возможно, из-за Натана. У Натана три с половиной мозговые клетки. Его любимое занятие – доводить людей до слез: новых учеников, малышей, странных детей, учителей на замене – всех подряд. У него это отлично получалось, но с Пруденс не прокатывало. Пока.

Пруденс села рядом со мной. Я не смотрел на нее, а она не смотрела на меня.

Мисс Триппс с громким шлепком захлопнула журнал.

– Поскольку это первый день Пруденс, – сказала учительница, – думаю, будет очень мило, если она представится классу. А мы попрактикуемся в умении слушать *вежливо*, Натан, пока она будет рассказывать о себе.

Я искоса взглянул на Пруденс. Вид у девочки был такой, будто она желала оказаться где угодно, только не здесь.

– Встань, Пруденс, – сказала мисс Триппс, – чтобы мы могли тебя видеть.

Медленно, очень медленно, Пруденс отодвинула стул и встала.

Мы все смотрели на нее и ждали.

Ничего.

– Ну? – сказала мисс Триппс.

Пруденс пожала плечами. Улыбка мисс Триппс стала увядать.

– Почему бы тебе не начать с семьи, дорогая? У тебя есть братья или сестры? А какие у тебя родители?

– У меня мамины волосы, – наконец начала Пруденс. – И ее глаза. Так все говорят. Мне от нее ничего не осталось. Она умерла. Как и отец. Он был убит. Гиппопотамом.

По классу пробежал заинтересованный шепот. По лицу мисс Триппс было видно, что она засомневалась, правильно ли поступила.

– Гиппопотамы очень опасные звери, – подхватила она. – Это случилось в Африке, дорогая?

Пруденс покачала головой:

– Кромвелл-Роуд, Южный Кенсингтон, Лондон.

Мисс Триппс выглядела слегка обескураженной. Прежде чем она успела что-либо сказать, Лакшми высоко поднял руку.

– Если у тебя нет мамы и папы, с кем же ты живешь?

– С мачехой, – это слово Пруденс произнесла так же просто, как я бы произнес «брюссельская капуста». Ее носик наморщился, будто она уловила неприятный запах. – Даймонд Пай. Она таксидермист.

– Водитель такси? – спросила мисс Триппс. – Очень полезная профессия. Мне тоже однажды пришлось поехать на такси, и я...

– Не водитель такси, – прервала ее Пруденс, – а таксидермист. Она изготавливает чучела. Птиц, животных и... вещей.

– *Фу-у-у!* – протянули некоторые девчонки и скорчили гримасы.

– Они мертвые? – спросил Дин. – Те звери, из которых она делает чучела?

Пруденс кивнула.

И только я услышал, как она добавила:

– К тому времени, как она закончит – да.

* * *

На игровой площадке во время перемены Натан предпринял еще одну попытку довести Пруденс до слез.

Она стояла, облокотившись о шведскую стенку, и читала книгу. Он врзался в нее, и книга полетела на землю.

– БА-А-ААА! – взревел он, широко раскрыв рот. – Я тебя съем! И твоего папу. Я гиппопотам!

Если честно, он был очень похож на гиппопотама. Пруденс подняла книгу.

– Гиппопотамы – травоядные, – сказала она. – Они не едят мясо. Все это знают. И еще, – добавила она, – на свете не бывает таких уродливых гиппопотамов, как ты.

– Пруденс Пай! Говорить так очень невежливо! – Мисс Триппс дежурила на площадке, ходила туда-сюда, совала нос в чужие дела и, как всегда, понимала все неверно. – Ты обидела Натана. Думаю, тебе стоит извиниться прямо сейчас!

Пруденс пожала плечами:

– Прости, – и снова уткнулась носом в книгу.

Девочка выглядела так, будто ей ни до чего нет дела. Она делала вид, что читала, но читать никак не могла, потому что книга была перевернута вверх ногами.

* * *

Натан не пришел на игровую площадку и не прикидывался гиппопотамом в обеденный перерыв, потому что находился в кабинете директора – там ему делали выговор. Он уже дважды нарвался на неприятности. В первый раз – когда посмеялся над Джейми Мэй, который плакал из-за того, что его собака по кличке Орешек убежала и не вернулась домой. Второй раз – когда рассказал Аише и Кети, что Сквермингтонский Змей прячется в девчачьем туалете. После этого ни одна девочка туда не заходила. Они жались на улице и кри-

чали, плотно скрестив ноги.

Когда зазвенел звонок и настало время идти домой, мисс Триппс задержала Джоша на один из своих Коротких Разговоров. Он снова рисовал в учебнике литературы космические корабли. Я бродил на улице за школьными воротами и ждал его, как вдруг рядом со мной, взвизгнув тормозами, остановился автомобиль. Оглушая всех вокруг громкой музыкой, кабриолет с опущенной крышей припарковался – он чуть не заехал колесами на тротуар и едва меня не сбил. Отпрыгнув в сторону, я прижался к школьной ограде и во все глаза уставился на машину.

Это была быстрая, дорогая и наглая машина. А еще розовая. Ярко-розовая, кричаще-розовая. Водителя нельзя было как следует разглядеть, потому что большую часть лица женщины закрывали солнечные очки. Длинные распущенные волосы были выкрашены в цвет автомобиля – в ярко-розовый, кричаще-розовый цвет. Женщина сосала леденец.

Раздался гудок, да так резко, что я подпрыгнул. Затем я увидел Пруденс. Она вышла из ворот, наклонив голову и рось в портфеле. При звуке гудка она подняла взгляд и увидела машину. Портфель свисал с руки девочки, а она стояла не шевелясь.

Женщина вытащила изо рта леденец. Он тоже был розовым.

– Ты как черепаха, – пожаловалась она. – Неужели нельзя быстрее?

– Я же сказала, что пойду пешком. – Лицо Пруденс стало белым, как лист бумаги.

Розовые ногти забарабанили по рулю.

– Ну, а вот и я.

– Я хочу пройтись, – повторила Пруденс.

– Другие дети – *хорошие* дети – сказали бы мне спасибо.

Вот ты – эй, мальчик! – женщина указала на меня леденцом. – Тебе хотелось бы прокатиться на этой машине, не так ли?

– Гм-м, – промычал я. Не люблю, когда мне говорят, что мне хочется чего-то, когда это не так. – На самом деле, она немного... слишком *розовая*.

Женщина рассмеялась – изящным звенящим смехом, как будто у мамы в магазине на ветру зазвенели колокольчики. Такие колокольчики могут быть очень назойливыми.

– Вы, мужчины, – сказала она, – вы такие трусливые коты – боитесь цвета! Пруденс, садись в машину. – Колокольчики перестали звенеть. – Залезай сюда *сейчас же*, или проведешь ночь сама-знаешь-где.

Пруденс вздрогнула, как от удара, и села в машину. Когда автомобиль свернул за угол, я заметил номер: 5 ЧУЧЕ ЛО.

На мгновение я задумался о том, каково это, когда у тебя нет мамы, а отца убил гиппопотам. Затем появился Джош – он пинал по площадке бутылку с водой, и я забыл о Пруденс.

* * *

Обычно по понедельникам после школы мы с Джошем проводим время вместе. Но сегодня все было иначе: он шел в гости к Мэтту. Они собирались покататься на великах. У Мэтта был новый велик – блестящий, серебристо-черный, с миллионом передач. Джош мог кататься без рук и, похоже, считал себя лучшим на планете. Друзья собирались на поиски потерявшихся домашних питомцев. Не менее половины питомцев в Сквермингтоне пропали. Всюду были развешаны объявления, которые обещали вознаграждение. За Орешка отец Джейми предлагал сто фунтов.

– Мы открываем Детективное Агентство по поиску домашних питомцев, – сказал Джош.

– А тебе с нами нельзя, – добавил Мэтт, – потому что у тебя нет велосипеда.

* * *

Когда я пришел домой, мама была на кухне. «Пещера русалок» по понедельникам не работала, ведь, по словам мамы, в начале недели клиентов обычно не бывает. Не бывает их и во вторник, и в среду, и в четверг, и в пятницу, и в субботу, но никто не говорит об этом вслух.

Стиральная машина сломалась. Снова. В кухне был потоп, а мама стояла одной ногой в центре потопа в позе фламинго. Ее глаза были закрыты, а ладони плотно сжаты над головой.

Йога – это хорошо, полагаю я, но в некоторых случаях специалист по ремонту стиральных машин гораздо полезнее.

– Мам? – я остановился на пороге, там, где было сухо. – Ты вызвала мастера?

Она открыла один глаз, затем снова закрыла.

– Мастер стоит денег. Мы не можем его себе позволить. В очередной раз.

– Оу! – я посмотрел на растекающуюся по полу грязную мыльную пену. Соседская кошка сидела на гладильной доске. – И куда уйдет эта вода?

– Ш-ш-ш, – проворчала мама. – Я дышу.

Заняться мне было нечем – даже с сэром Криспином не надо гулять.

– Ты ведешь себя безответственно, – заявила Фрэнк, – и у меня нет другого выхода, кроме как прервать твою занятость.

– Что?

– Ты уволен, тупица.

Миссис Покер-Пигрим на меня пожаловалась. Она сказала, что мне нельзя доверять заботу о чувствительном и невероятно породистом животном. Я долго гулял с сэром Криспином и заставил его идти слишком далеко, а у него мог случиться сердечный приступ. Я возразил, что большую

часть пути этот жирный шерстяной мешок просидел у меня на руках, и если у кого и мог случиться сердечный приступ, так это у меня.

– Неважно, – заявила Фрэнк. – Я закончила эссе и другие уроки. Помощь мне больше не нужна. Ты уволен.

Она выдала мне восемьдесят три пенса увольнительных – очень щедро, по ее мнению. Я положил их под кровать в коробку из-под обуви с надписью «ЭКСТРЕННЫЙ СБОР НА ВЕЛОСИПЕД – ОЧЕНЬ СРОЧНО!!!» Но такими темпами мне далеко не уйти.

Настало самое Подходящее Время вернуться на ферму Вормстолл.

* * *

– Мам? Я ухожу.

– Ты же только что пришел! Уже сделал все уроки?

– М-м-м, – невнятно промычал я.

– Ну ладно. Не задерживайся допоздна.

* * *

Я чувствовал себя немного виноватым, оставляя ее одну в мутной луже. Честно говоря, если бы папе пришлось проходить тест, чтобы определить, хороший он отец и муж или

нет, он бы не получил ни одного балла. Я уже почти простил его за то, что он не позволил мне завести касатку, но вот купить маме новую стиральную машинку перед своим уходом он уж точно мог.

Повернув в сторону фермы Вормстолл, я увидел, как рогатые коровы мирно паслись на лугу. Бык поднял тяжелую морду и посмотрел на меня, облизывая нос мясистым розовым языком. Должно быть, он решил, что я недостоин внимания, и вернулся к поеданию травы. Лошадь стояла ко мне задом, уткнувшись носом в изгородь.

Только я собрался позвонить в звонок, как увидел приколотый к двери обрывок бумаги: «Вернись скоро. Печенье в кухне. Осторожно с яйцами».

Я не знал, что делать. Предназначалась ли записка мне? Они не знали, что я приду. С другой стороны, кого еще они могли ждать? Людям в Вормстолле были не рады – так сказала миссис Линд.

Фраза о печенье напомнила мне о том, что я голоден. Кому бы ни предназначалась эта записка, они наверняка не будут против, если я съем всего одно печенье?

Дверь легко отворилась. Я прошел по коридору и, посмотрев вверх на лестницу, вспомнил свой поход в ванную комнату. В интернете сказано, что кракен – это легендарное морское чудовище, которого в реальности не существует. Ясное дело, интернет ошибался. Нужно признать, что в Вормстолле кракен был скорее легендарным туалетным чудовищем.

– Ай! – Я не смотрел под ноги и ударился большим паль-

цем. – Опять ты! – воскликнул я. Это был каменный кролик – похоже, тот же самый. – Что ты здесь делаешь?

Проковыляв в кухню, я увидел на столе кувшин с лимонадом, в котором позвякивал лед. К жестяной банке с печеньем была приклеена еще одна записка: «Обслужи себя сам». Так я и сделал.

Держа в одной руке стакан, а в другой – печенье, я довольно шумно прошелся по кухне. На плите стояла громадная кастрюля, и я заглянул внутрь.

– Бе! – Я поспешно закрыл крышку. Кастрюля была наполнена вонючей зеленой слизью.

Аварийная Деревянная Нога стояла в своем углу у двери, а в записке, приклеенной к холодильнику, было сказано: «Лю, не забудь выжать ласку». Все остальное выглядело вполне обыкновенным. Здесь я увидел наполненные цветами баночки из-под варенья, кресло-качалку и яркие радужные занавески, которые колыхал легкий ветерок. А еще кровать для собаки. Кто в ней спал? И откуда в ней такие бугры?

Я осторожно подтолкнул один из комочков носком кроссовка, и вдруг что-то похожее на покрытое перьями пушечное ядро пронеслось через кошачью дверь, ударило меня под колени и выбило землю из-под ног. Я стал заваливаться на спину, а стакан с лимонадом и остатки шоколадного печенья полетели на пол.

Некоторые части тела пронзила резкая боль. Я закрыл глаза, но обнаружил, что не могу дышать, поэтому снова их от-

крыл.

Злобная птица с жирным телом, короткими крылышками, пучками серых перьев и большим скрюченным клювом стояла у меня на животе, клевала мой нос и смотрела на меня безумными оранжевыми глазами.

– Ой! – тихонько сказал я и поднял руки, пытаюсь защитить нос.

– Дидо, какая плохая птичка! – на пороге стояла миссис Линд, держа в руках сверток странной формы. На ней по-прежнему были резиновые сапоги и бусы, а раннее млекопитающее сидело на шляпе, счищая с усов кусочки банана. – Кыш!

– Я же говорил! – рядом с миссис Линд возник мальчик. – Она бы нам так не докучала, если бы мы ее зажарили.

Дидо соскочила с моего живота. Отпустив нос, я оперся локтями о пол и приподнялся, но перемирие длилось недолго. Теперь птица атаковала мои лодыжки. Я ее пнул, но это не помогло. У нахалки явно были проблемы с управлением гневом.

– Что нам нужно, – задумчиво сказал мальчик, – так это хороший рецепт виндалу³ из птицы.

Миссис Линд щелкнула языком.

– Подержи, – велела она мне, протянув сверток, а затем ловко бросилась на птицу. – Ну, вот и все. – Слегка запыхавшись, женщина сжала пронзительно орущую птицу под

³ Виндалу – популярное индийское блюдо. (Прим. пер.)

мышкой. – Она это не со зла, – миссис Линд посмотрела на мой разбитый нос и кровоточащие щиколотки. – Ты трогал ее яйца?

– Яйца? – я взглянул на кровать для собаки и под краем одеяла различил что-то бледное. – Ах, так *вот* что это за комочки.

– К высиживанию яиц она относится очень серьезно, – объяснила миссис Линд. – Мне очень жаль, что нас не было на месте, когда ты пришел. Мы были наверху, в сарае. У Розы-Трескучки сегодня родились поросята. Целых двенадцать. Один из них тут.

Я посмотрел на лежащий на коленях сверток. Поросенок. Крошечный черный поросенок, завернутый в полотенце.

– Поросята-в-полотенцах, – жадно сказал мальчик. – Ролл с сосисками. Жаба в норке⁴. Молочный поросенок с...

– Это Ло, – сказала мне миссис Линд, кивнув на мальчика. – Уменьшительно-ласкательное от Лобелиуса. Имя ненастоящее, но мне нужно было его как-то назвать. Как ты думаешь, что я делала, когда он появился из ниоткуда? Сажала лобелии. Голубые, как его глаза. Ему нравится делать вид, что его ничего не волнует, но это не так. Ло мне очень помогает, хотя и злится, когда я так говорю. И он *ненавидит*, когда используют слово на «а».

⁴ Жаба в норке (англ. **toad in the hole**), или сосисочная жаба (англ. sausage **toad**) – традиционное британское блюдо, состоящее из сосисок, запечённых в кляре для йоркширского пудинга. Как правило, подаётся с луковым соусом и овощами. (Прим. пер.)

– Какое слово на «а»? – спросил я.

– Не твое дело. – Ло зевнул, обнажив белые зубы. Может быть, его и назвали в честь цветка, но никому в здравом уме не пришло бы в голову над ним из-за этого подшучивать. – Мы уже виделись, – сообщил он миссис Линд. – В ванной. Кракену вздумалось с ним обниматься.

– О, дорогой, – извиняющимся тоном произнесла миссис Линд. – Прости, Джордж. Я должна была тебя предупредить. Боюсь, несчастному созданию стало скучно одному в ванной. Не хочешь дать поросенку бутылочку? Я подогрею молоко.

Она опустила Дидо на пол, а я с трудом поднялся на ноги. Прижав к себе поросенка, я обошел вокруг стола, чтобы оказаться как можно дальше от скрюченного клюва.

Я не очень хорошо разбираюсь в птицах: могу отличить сову от страуса и попугая от пингвина, но на этом мои познания заканчиваются. Теперь я всмотрелся в птицу как следует и понял, что уже видел ее прежде – за стеклянной витриной в музее естествознания. Ошибиться было трудно: она выглядела как помесь индейки и перьевой щетки для пыли.

Я вытаращил глаза.

– Разве это не?.. Это додо! Разве они не... вымерли?

Мальчик рассмеялся. Миссис Линд приложила палец к губам.

– Мы не произносим здесь это слово, Джордж. Слово на «В».

– Ты не произносишь, а я – произношу, – Ло приподнялся,

взял вишенку со шляпы миссис Линд и запустил косточку в Дидо. – Вымершие. Вымершие. Ты воняешь. С карри ты бы пахла куда лучше.

Птица смотрела на него, щелкая клювом.

– Дидо – единственный известный нам представитель додо, – печально сказала миссис Линд. – Их и с самого начала было немного, они жили на острове. К несчастью, эти птички очень доверчивые, и поймать их не составляло труда.

– Это еще раз доказывает, – сказал мальчик, – что быть добрым невыгодно. В то время, когда другие додо беззаботно кудахтали, дружили со всеми подряд и позволяли себя съесть, представители семейства Дидо прятались за кустами и дулись на всех. И вот одна из них здесь, спасенная своим дурным характером.

Бросив на Ло злобный взгляд, птица вразвалку поковыляла к кровати для собак. Отогнув клювом клетчатое одеяльце, она внимательно осмотрела кладку лежавших под ним яиц: кремово-белые, желтовато-сливочные, веснушчато-зеленые – все разных форм и размеров. Самое крупное яйцо было гигантским, размером с арбуз.

– Она не могла его отложить! – Я не был экспертом по яйцам, но прекрасно видел, что оно слишком большое.

– Она и не откладывала их все, – сказала миссис Линд. – Это пришло по почте. На посылке было написано: «Может размножиться». На почте эту надпись прочли как «Может размозжиться» и умудрились его не разбить – и на том спа-

сибо. Мы понятия не имеем, что внутри. Когда они вылупятся, тогда и узнаем, кто в каждом из них.

– Если они вылупятся, – поправил ее мальчик. – На некоторых яйцах она сидит уже много лет. Они наверняка сгнили. Со дня на день скорлупа треснет, и завоняет так, что глаза заслезятся.

Миссис Линд налила молоко в детскую бутылочку. Она проверила температуру и протянула бутылочку мне.

– Тебе лучше присесть – нет, *не сюда!*

Она опоздала. Я опустился в кресло-качалку, и мой зад уже коснулся верхней подушки. По крайней мере, я думал, что это подушка в желто-синюю полоску, пока она не издала приглушенное хлопанье, как проколотый шарик с водой, и не выскользнула из-под меня. Держа во рту кончик хвоста, она бочком забралась под стол, где избавилась от полосок и слилась с плиткой на полу.

– Проявляй хотя бы немного уважения, – сказал Ло. – Ты едва не сел на уробороса.

– Прости, – сказал я. – Я не знал, что он там. Э-э-э... А кто это? И что он делает? – Свернувшись в клубок, существо – полурептилия, полукрендель – так и не отпустило хвост.

– Он символ бесконечности, – со вздохом ответила миссис Линд. – Он постоянно сосет свой хвост – уроборосы именно этим и занимаются. Поэтому его очень сложно кормить, он наносит себе ужасные раны, посасывая и кусая хвост, бедняга одержим чувством долга. Он думает, что если однажды

отпустит хвост и разомкнет круг, время остановится.

– А оно остановится? – спросил я. – Время?

– Мы не знаем, – призналась миссис Линд. – Такого никогда не случалось. – Она толкнула рукой кресло-качалку. – Взгляни на это, – пожаловалась она. – Чешуя по всей мебели. У тебя ведь нет аллергии, Джордж? Бедняжка Недотепа из-за этого чихал.

Пустоголовый Недотепа, который здесь больше не работает.

– Поэтому он ушел?

– Кто сказал, что он ушел? – Ло отломил часть печенья с заварным кремом и бросил Дидо половинку без крема. Она с шелканьем поймала угощение клювом. – Он наверху, в кладовке.

– Из соображений безопасности, – объяснила миссис Линд. – Но ты отлично справляешься на его месте, Джордж. Ты умеешь обращаться с животными.

– Правда? – я потер израненный нос.

– Ты поймал Мингуса, разве нет? И Дидо могла легко выклевать тебе глаза, если бы ты ей не понравился. Недотепа она откусила большой палец на ноге. Я предупреждала его, чтобы он не ходил здесь босиком.

– Он до сих пор в холодильнике, – сказал Ло. – Его большой палец.

– Нельзя выбрасывать человеческие пальцы, – заявила миссис Линд. – Без спроса.

Голодный поросенок быстро присосался к бутылочке и вскоре уже шумно причмокивал у меня на коленях. Дидо восседала на своей коллекции яиц, нахохлившись и прикрыв глаза. Мингус похрапывал на шляпе миссис Линд. Уроборос оставался под столом и с подозрением смотрел на меня изумрудными глазами.

– Откуда они все взялись? – спросил я. – Как они сюда попали?

– В мире почти не осталось потайных мест для тех, кто не хочет, чтобы их нашли, – с грустью сказала миссис Линд. – Люди захватывают все больше пространства, вырубая леса, взрывают горы, отравляют реки. Живые существа теряют свой дом – им некуда больше идти. Мингус и Дидо – единственные выжившие особи, все остальные представители их видов вымерли. Другие – криптиды, как уроборос и кракен. Люди говорят, что таких животных на свете не существует. Они стараются держаться подальше и не попадаться никому на глаза. Так или иначе, многие из них добрались до нас. Мы не знаем, когда они придут и как. Иногда они здесь рождаются – вот как этот поросенок. Тебе лучше перевернуть его сейчас, Джордж, пока еще осталось немного молока. Другой конец тоже хочет поесть.

Я посмотрел на нее, затем опустил глаза на поросенка.

Другой конец? Я осторожно развернул одеяло. Похоже, я начал привыкать к Вормстоллу и даже не удивился: у поросенка были головы с обеих сторон.

– Пин Фэн, – сказала миссис Линд. – Он из Китая.

– Кисло-сладкий поросенок, – облизываясь, сказал Ло. – Вопрос только в том, какой конец вкуснее?

– Не слушай Ло, – сказала мне миссис Линд. – Он это несерьезно. Джордж, я вынуждена попросить тебя молчать обо всем, что ты здесь увидел. Если люди об этом узнают... поднимется шумиха. Они заберут этих животных, отправят в зоопарки или лаборатории или... или куда похуже. Одного мы уже потеряли и обязаны спасти других. Понимаешь?

Я кивнул:

– Я ничего не скажу. Можете мне доверять. – Я говорил серьезно. Ни за что не предам животных фермы Вормстолл. Вспомнив заголовки из газеты «*Эхо Сквермингтона*», я нахмурился. – Это вы потеряли какую-то змею, да?

– Не совсем. – Миссис Линд поколебалась. – Джордж, что тебе известно о василисках?

О василисках я знал лишь то, что они не существуют, разве только в рассказах и видеоиграх. Джош купил на барахолке игру за двадцать пенсов. Она называлась «*Плевака-лизун: Битва василисков*». Вскоре мы поняли, почему игра стоила всего двадцать пенсов – она постоянно зависала.

– Василиски похожи на гигантских змей. Они плюют в тебя шариками слизи, и если помотришь им в глаза, то пре-

вратишься в камень. Ты должен их убить, кидая в них бомбы или стреляя из...

Увидев выражение лица миссис Линд, я замолчал.

– Вот этого я и боялась, – спокойно сказала она. – Именно это люди и захотят сделать с Мортифером.

Теперь все понятно. Я взглянул на каменного кролика у кухонной двери:

– Это ведь настоящий кролик, правда?

Когда миссис Ло кивнула, я вспомнил каменную кошку, которую Ло принес через окно в ванной.

– И кошка...

– Одиннадцать кошек. Пять собак. Восемь кроликов. – Ло перечислял их по пальцам. – Безумное количество голубей. Лисица, барсук, три белки и вьетнамская вислобрюхая свинья. На данный момент.

– Они не мертвые, – заверила меня миссис Линд. – Просто окаменевшие. Мы вернем их в прежнее состояние. Вот для чего нужна мазь. Это рецепт моей бабушки. Хотя до сих пор у меня не было необходимости его применить. – Она скомкала бусы, и в ее глазах вспыхнула тревога. – Мортифер сделал это не нарочно, ты же понимаешь, он *не хотел*. Он не может себя изменить, но людям этого никогда не понять. Мне страшно даже подумать о том, что они сделают, если его поймают. История со святым Георгием и драконом повторится.

Когда обе головы поросенка по имени Пин Фэн выпили

достаточно молока, миссис Линд положила его в постельку в картонную коробку.

– Нас ждет много работы, – Ло поднял ведро и посмотрел на меня. – Ты когда-нибудь доил тура?

Я привык добывать молоко из холодильника, а не из животного. В особенности, если это животное, о котором я никогда не слышал. Я покачал головой.

– В таком случае, – сказал Ло, – тебе лучше начать с миссис Вторник. Миссис Среда пинается.

* * *

Миссис Вторник и миссис Среда оказались гигантскими коровами, которые жили на пастбище сами по себе, вдали от стада. У них были шубки шоколадного оттенка, носы молочного цвета и длинные, как копыя, рога, и вблизи они выглядели еще более огромными. Коровы были гораздо выше меня.

Ло велел мне наблюдать за тем, как он доит миссис Среду, которая пританцовывала, притоптывала копытами и вскидывала голову, а затем сказал, что наступила моя очередь. Он погладил миссис Вторник по носу и угостил ее мятными леденцами, продолжая давать мне указания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.